

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

С. В. Снапковская

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XX в.

УДК 37.(091)(476)“1886/1914”

ББК 74.03(4 Бем)5

Автором статьи на основе историко-педагогического анализа выявленных за последние годы источников и литературы раскрываются основные доминанты развития общественно-педагогического движения в Беларуси начала XX века. Автор сосредотачивает свое внимание на выявлении основных особенностей развития образования Беларуси, раскрывая глубину и разновекторность общественно-педагогического движения в белорусских губерниях.

Ключевые слова: демократизация учебно-воспитательного процесса; общественно-педагогическое движение; Всероссийский учительский союз; образовательная политика правительства; правовое положение учителя; Виленский учебный округ; мужская гимназия; духовная семинария.

S. V. Snapkovskaya

CONDITIONS AND DEVELOPMENT FACTORS SOCIO-PEDAGOGICAL MOVEMENT ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

The author of the article on the basis of historical and pedagogical analysis of the sources and literature revealed in recent years reveals the main dominants of the development of social and pedagogical movement in Belarus in the early twentieth century. The author focuses on identifying the main features of the

development of education in Belarus, revealing the depth and diversity of the socio-pedagogical movement in the Belarusian provinces.

Key words: democratization of educational process; social and pedagogical movement; all-Russian teachers' Union; educational policy of the government; legal status of the teacher; Vilensky educational district; men's gymnasium; theological Seminary.

Состояние и перспективы дальнейшей интеграции России и Беларуси в культурно-образовательной сфере предполагают учет культурно-исторических, этнических и нравственных оснований. Современная эпоха радикальных трансформаций предъявляет насущное требование к пониманию и уважению культур, традиций и образа жизни каждого народа, вовлекаемого в миросистему. Анализ культурно-исторических, этнических и нравственных аспектов общественных измерений диктует необходимость обращения к историко-культурному наследию как российского государства в целом, так и его западных регионов, где интенсивность общественно-политических процессов в начале прошлого века была достаточно высока. Выявленные пласты источников, равно как и отсутствие запретных тем, создают возможность для научного продвижения на новом, более продуктивном уровне.

Общественно-педагогическое движение, как историко-просветительский феномен, имеет давние культурные корни. Выступив в конце XIX века в качестве нового формата обмена опытом и распространения успешных педагогических практик, оно уже в начале XX века получило дальнейшее развитие путем диверсификации различных форм общественно-педагогической деятельности.

Неудовлетворенность состоянием системы народного образования в Беларуси в начале XX в. высказывали все слои белорусского социума — от крестьянства до высших буржуазных слоев населения Северо-Западного края. Это явление стало серьезной преградой на пути социально-экономического и национально-культурного прогресса белорусского народа. Очевидна была необходимость неотложной и коренной школьной перестройки в целях приведения ее в соответствие с уровнем развития экономики, науки и культуры, интересами преимущественного большинства населения, потребностями во всеобщем и доступном образовании.

Демократизации учебно-воспитательного процесса, глубоких перемен в школьной политике правительства требовал широкий спектр социально-политических сил: буржуазно-либеральные круги, национально-демократическое движение, мелкая буржуазия, крестьянство, пролетариат и их политические партии, интеллигенция и широкая общественность. Этот влиятельный, хотя и разнородный лагерь, привел в действие новый фактор развития народного просвещения — общественно-педагогическое движение. Начиная с первых лет XX в., социально-педагогические проблемы стали предметом широкого общественного

обсуждения и активных действий. Общественно-педагогическое движение, в котором принимали участие учительство, родители и ученики, связанные с Беларусью студенты и преподаватели столичных вузов, оказывали большое влияние на все стороны жизни и деятельности школы, на развитие педагогической мысли.

Противостояние между тремя основными политическими лагерями России в период революции 1905—1907 гг. — самодержавием, буржуазией и революционной демократией — проявились и в таком важном вопросе общественного развития, как народное образование. Школа являлась одной из наиболее консервативных частей государственной системы. Поэтому ее, как важнейший элемент просвещения, ревниво охраняло от всяких радикальных перемен правительство. Как уже отмечалось, в Беларуси правительственное направление в области образования проявлялось в русификации, запрете обучения на родном языке, внедрении в учебно-воспитательный процесс православия, сдерживании среднего и запрете высшего образования.

Буржуазия, интересы которой в органах просвещения представляли: городское самоуправление, земства и учительство средней школы, выступала за преобразование существующей системы образования, приведение ее в соответствие с требованиями капиталистического развития. Буржуазные круги выступали за введение всеобщего обучения, препятствовали развитию сети церковных школ путем

сокращения ассигнований на их обеспечение, содействовали расширению сети народных училищ, требовали установления преемственности между всеми типами школ, отмены переводных экзаменов, смягчения внутришкольного режима.

Эти требования отражали классовые интересы буржуазных слоев. Введение всеобщего начального обучения обеспечило бы большой приток в экономику образованной и более подготовленной рабочей силы. В области среднего образования представители буржуазии выступали только за уравнивание в правах с мужскими правительственными гимназиями всех других типов средней школы. Заинтересованные в развитии низшего и среднего профессионального образования земства, городские самоуправления и общественность содействовали распространению профессионально-технического образования. Они стремились, как отмечалось, и к открытию вуза на территории Беларуси, однако, их попытки закончились неудачей в результате противодействия правительства. В целом, буржуазия добивалась перестройки школьного дела путем реформы сверху.

Важным этапом в развитии образования и педагогической мысли стало основание в 1896 г. первой в Беларуси общественно-политической и литературно-просветительского направления «Минский листок». Газета, основателем и первым издателем которой был И. П. Фатинский, выходила с периодичностью 2—3 раза в неделю и содержала умеренную критику пра-

вительства. Между тем, ряд авторов придерживались более радикальных, народнических взглядов, за что газета часто подвергалась гонениям со стороны цензуры, а также центральных и местных властей. В издании освещались не только события в крае, империи и за рубежом, но и духовно-культурные явления городской и сельской жизни, деятельность общественных демократических организаций, помещались обзоры книг, журналов, учебной литературы прогрессивного направления. Заслуживают внимания помещенные в газете статьи по проблемам психолого-педагогического характера, подготовленные публицистами и критиками «Минского листка». Вопрос о том, является ли талант врожденной способностью или его создают условия социального окружения, они считали не до конца исследованным. Вместе с тем авторы были уверены, что воспитание и социальное окружение являются важнейшими факторами, влияющими на развитие таланта¹.

Газета выступала пропагандистом демократических, просветительских и реалистических традиций мировой художественной культуры и русской литературы. Оказывала поддержку произведениям новой белорусской литературы, опубликовав впервые в 1889 г. анонимную поэму на белорусском языке «Тарас на Парнасе», первые белорусскоязычные произведения К. Каганца, Я. Лучины, а также произведения различных жанров белорусско-

го фольклора. В конце XIX в. здесь увидели свет научные исследования М. Янчука «Из научного путешествия в Беларусь», М. Довнар-Запольского «От Киева до Рогачева», «Древняя Беларусь», «Белорусское прошлое», а также анонимные очерки по истории европейской философии и цивилизации «Наш век». Развитие интереса к содержанию «Минского листка» подтверждает факт выхода с 1888 г. научно-публицистического приложения «Северо-Западный календарь». Однако наибольший интерес в свете изучаемой проблемы представляют для нас исследования по истории, этнографии, образованию и педагогической мысли Беларуси, опубликованные на страницах газеты. Здесь впервые увидели свет педагогические труды А. Е. Богдановича «Педагогические воззрения белорусского народа» (1886 г.); «Очерк о положении женщины в крестьянском окружении Белорусского края» (1886 г.); «Пережитки древнего мирозерцания у белорусов» (1894 г.), которые впоследствии были доработаны и изданы отдельными книгами. За семилетний период своей деятельности (1886—1902 гг.) «Минский листок» стал заметной вехой в развитии просвещения на территории белорусских губерний².

Демократические традиции «Минского листка» и «Северо-Западного края» (1902—1905 гг.) продолжила газета «Минский курьер», опубликовав 10 апреля 1908 г. статью

¹ Минский листок. 1896. № 66.

² Минский листок. 1896. № 66.

белорусского публициста и переводчика Н. К. Черноцкого «К вопросу о белорусской народной школе», где он выступил в защиту родного языка, пропагандировал литературно-педагогическое творчество Я. Коласа и различные жанры белорусского фольклора. Отмеченные издания, аккумулируя в своей просветительской деятельности лучшие силы белорусской интеллигенции, формировали на своих страницах соответствующий культурный и общественно-педагогический контекст.

На общероссийском уровне за демократические реформы в области образования выступали многие известные ученые и педагоги-исследователи. Так, В. И. Чарнолуцкий в книге «Основные вопросы организации школы в России» подверг критическому анализу образовательные реалии начала XX в. и разработал авторскую схему основных принципов школьной реформы, наиболее отвечающих условиям тогдашней России. Главной лабораторией выработки основ будущей школьной системы он справедливо называл «критическую мысль огромных кругов сознательного населения». А ближайшие результаты такой работы он видел в разнообразных формах частной просветительской инициативы, называя ее центром творческой общественной работы в области народного образования¹. В этой связи В. И. Чарнолуцкий вполне аргументировано пришел к заключению: школьные вопросы не до-

пускают узкой, обособленной от остальной жизни постановки и затрагивают самую сущность современного строя. Исследователь считал, что «борьба за нормальную, свободную школу не может не быть в то же время борьбой за свободу, социальную справедливость и великие социальные идеалы будущего вообще»². Продолжая мысль ученого, следует заметить, что эта «частная просветительская инициатива» в начале XX в. на территории Беларуси трансформировалась в педагогику общественную, объединяя широкие круги национальной интеллигенции различных конфессий вокруг проблем образования и воспитания.

В книге «Итоги общественной мысли в области образования» В. И. Чарнолуцкий проанализировал общественные дискуссии в России по вопросам развития просвещения. Он привел Записку 342 ученых, опубликованную в январе 1905 г., где содержалась резкая критика образовательной политики правительства. Указывалось, что насаждение православия в школе, выдвигаемое в тяжелых формах казенного формализма, воспитало религиозный индифферентизм. Подчеркивалось, что «школа претендовала стать оружием русификации и вызвала на окраинах глубокую ненависть к русскому языку и русской культуре; она должна была явиться ареной пропаганды самодержавия и воспитала протестующих»³. В. И. Чарнолуцкий также сообщал о

¹ Чарнолуцкий, В. Основные вопросы организации школы в России. СПб.: «Знание», 1909. 131 с. С. 32.

² Там же. С. 126.

³ Чарнолуцкий В. И. Итоги общественной мысли в области образования. СПб., 1906. 78 с. С. 10.

выступлении учителей родительского союза средней школы в поддержку Записки 342 ученых. В 12 марта 1905 г. Записке 256 народных учителей и деятелей по народному образованию преднамеренно ставит препятствия к распространению и повышению просвещения в народе, оно сознательно поддерживает невежество, как опору своего существования»¹.

С 90-х годов XIX в. активизировалось белорусское национально-культурное движение, основной действующей силой которого выступала национальная интеллигенция, прежде всего, студенчество и учительство. Они развернули изучение исторического прошлого белорусского народа, его культуры, языка, фольклора. При отсутствии массового революционного движения просветительство было наиболее распространенной формой проявления оппозиционных политически оформленных настроений, свойственной белорусской интеллигенции².

В условиях обострения социально-классовых и национальных противоречий, а также развития белорусского национально-культурного движения усиливалось внимание и повысился интерес разных социально-политических сил к проблемам просветительства и школы. В печати и педагогической периодике, документах буржуазных, мелкобуржуазных, национально-де-

мократических и рабочих партий и организаций, на собраниях и сходках рабочих и крестьян, учителей и учащихся, родителей, интеллигенции, на педагогических советах, учительских съездах, совещаниях обсуждались требования всеобщего начального образования, совершенствования профессионального обучения, отделения школы от церкви и передачи церковных школ земствам, равноправия на получение образования представителями мужского и женского пола, преемственности начальной и средней школы, улучшения материального и правового положения учителя, допуска родительских организаций к участию в учебно-воспитательной деятельности учреждений образования³.

Органы местной администрации уже не могли игнорировать общественно-педагогическое движение. В частности, под влиянием широкого движения за всеобщее обучение, которое охватило Россию в 90-х гг. XIX в., Минская городская дума выработала в 1898 г. проект введения в городе всеобщего начального обучения детей в возрасте от 7 до 12 лет. Этот замысел планировалось осуществить за счет отдельного налога с горожан. Однако проект не был реализован. Минскому губернатору стало известно о царской резолюции на отчете харьковского губернатора: «Лучше было бы, чтобы городское управление занималось своими делами, чем обсуждением такого

¹ Там же. С. 11.

² Снапоўская, С. В. Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стст. Мінск: НІА, 1998. 192 с. С. 124.

³ Снапоўская С. В. Развитие образования и педагогической мысли Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв. М.: УРАО ИТИП, 2011. 316 с. С. 14.

широкого вопроса, как вопрос о всеобщем обучении»¹. Этого оказалось достаточно, чтобы дух либерального прожектерства у деятелей минского городского управления исчез.

В движение за всеобщее обучение включились народные массы. О его размахе свидетельствует тот факт, что в канцеляриях Минской губернии на 1 января 1904 г. находилось 473 неудовлетворенных требования об открытии школ, а в Витебской — 250 требований². Об отношении крестьянства к делу народного образования достаточно убедительно говорит следующая выдержка из отчета Минского губернатора за 1900 г.: «Что крестьянское население Минской губернии любит и дорожит народной школой, доказывается не только переполнением училищ Министерства народного просвещения учащимися, но и теми очень большими затратами, которые делаются ежегодно крестьянскими обществами на удержание этих училищ»³.

Массовые политические выступления содействовали революционному движению учащихся⁴. Их резкое неудовольствие вызвал существующий внутришкольный режим. В средних учебных заведениях господствовал

полицейский сыск и нетерпимость к любым проявлениям критических высказываний к существующему порядку. О тяжелой атмосфере в средней школе говорят многие факты. Так, в 1899 г. назначенная попечителем ВУО комиссия разработала правила внеклассного наблюдения за учащимися реальных училищ и гимназий Минска, согласно которым должен был контролироваться каждый шаг ученика. Наблюдение устанавливалось в театре и дома, на катке и треке. Зимой и летом гимназисты должны были носить форменное пальто, застегнутое на все пуговицы. Без пальто позволялось ходить только в белом костюме с белой фуражкой⁵.

Накануне революции 1905—1907 гг. и в первые ее месяцы попечитель ВУО стремился упредить распространение революционных настроений среди учащихся и выдал ряд циркуляров: «О защите учеников от революционного влияния»; «О мерах по предупреждению волнений среди учащихся»; «О ежедневном осмотре учебных помещений с целью конфискации прокламаций»; «Об усилении наблюдения за учащимися вне учебных учреждений»⁶. Однако эти

¹ Шибeko З. В., Шибeko, С. Ф. Минск: Страницы жизни дореволюционного города. Минск: Польша, 1990. 352 с. С. 150.

² Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. / Ткачоў М.А., Пасэ У.С., Сянькевіч Г.Р. і інш. — Минск.: Народная асвета. 1985. 464 с. С. 349.

³ Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917). Мн.: Изд-во АН БССР, 1953. Т. 3. 1019 с. С. 262.

⁴ Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. / Ткачоў М.А., Пасэ У.С., Сянькевіч Г.Р. і інш. — Минск.: Народная асвета. 1985. 464 с. С. 345.

⁵ Шибeko З. В., Шибeko С. Ф. Минск: Страницы жизни дореволюционного города. Минск: Польша, 1990. 352 с. С. 156.

⁶ Нарысы гісторыі Беларусі: У 2-х ч. / АН Беларусі, Ін-т гісторыі. Минск: Беларусь, 1994. Ч. 1. 527 с. С. 222.

циркуляры не принесли желанного результата. Ученическая молодежь активно втянулась в революционные события. Это выразилось в чтении нелегальной литературы, создании социал-демократических кружков, организации забастовок протеста, распространении литературы прокламационного характера и участии в политических демонстрациях.

На сходке учащихся Минской мужской гимназии 17 февраля 1905 г. была принята резолюция из 20 пунктов, предоставленная затем директору гимназии. В ней, в частности, содержались требования отмены внеклассного наблюдения и срочного разрешения свободного посещения библиотек, театров и других публичных заведений, отмены обыска, институтов инспекции и «педелей» (смотрителей за учащимися), обязательного ношения формы, разрешения свободной организации кружков и публичного обсуждения нужд гимназистов, невмешательства школьного руководства в личную жизнь учеников, вежливого отношения учителей к учащимся, уменьшения платы за обучение. Помимо этих требований академических свобод, гимназисты поставили и такие социально значимые и насущные вопросы, как отмена национальных ограничений для учащихся и учителей, преподавание для каждой национальности своего родного языка как одного из учебных пред-

метов, преподавание Закона Божьего для каждой национальности на родном языке, необязательное посещение богослужения и свобода разговорного языка¹.

Похожие резолюции с аналогичными требованиями были приняты и на ученических собраниях других средних учебных заведений Минска, что свидетельствовало, по мнению попечителя ВУО, о централизованной подготовке этих петиций «на каком-нибудь общем собрании учащихся...»². Характерно, что на совместном собрании родителей учащихся и педагогического совета Минской мужской гимназии, которое прошло в тот же день — 17 февраля, родители высказали те же требования, что и гимназисты. Собрание показало, что беспорядки в гимназии были вызваны общим волнением среди местного населения. Это стало отражением настроения родителей, а также итогом деятельности студентов и работников сферы образования, принадлежавших к социал-демократической партии³.

Волнения среди учащихся не прекращались и в 1906—1907 гг., однако спад революционного движения привел к постепенному их затуханию. После растерянности и обеспокоенности, охвативших руководство ВУО, последнее начало решительные действия по «водворению порядка». Решением МНП от 25 октября 1905 г. были запрещены сходки уча-

¹ Революционное движение в Белоруссии 1905–1907 гг.: Документы и материалы. Мн.: Изд-во Акад. наук БССР, 1955. 747 с. С. 143.

² Революционное движение в Белоруссии 1905–1907 гг.: Документы и материалы. Мн.: Изд-во Акад. наук БССР, 1955. 747 с. С. 144.

³ Там же. С. 144.

щихся низших и средних учебных заведений¹. К январю 1906 г. из средних учебных заведений ВУО было уволено без права поступления в любые другие учебные заведения 160 человек «за участие в беспорядках или политическую неблагонадежность»². Усилилось политическое наблюдение за учителями и учащимися.

В годы революции массовые волнения охватили духовные семинарии Беларуси. Одним из таких центров стала Витебская духовная семинария. По словам статского советника Орнатского, проводившего в октябре 1907 г. ревизию этой семинарии, «случай восхищения учащихся освободительным движением» начали замечаться еще в начале 1904—1905 учебного года. Это выявилось в том, что «семинаристы вместо своего прямого дела более занимаются разными реформационными вопросами об обновлении школы, о лучшем социальном и государственном строе и т. д., читают либеральные газеты и книги, а некоторые вступают даже в отношения с проживающими в Витебске заводаторами освободительного движения и получают от них нелегальные издания»³.

В феврале 1905 г. семинаристы организовали 4 сходки, причем на последних двух присутствовали по поручению семинарского управления некоторые из преподавателей для выслушивания требований воспитан-

ников. Эти требования носили академический характер и были направлены на послабление внутрисеминарского режима и демократизацию учебного процесса и отдыха учащихся: создание кружков самообразования, участие представителей старших классов в педагогических собраниях управления семинарии, отмена переводных экзаменов, введение лекционного метода преподавания в старших классах, улучшение состояния семинарии⁴.

Все требования, за исключением требования семинаристов «уволить ректора и смотрителей», преподаватели, которые присутствовали на сходках, признали «полезными в деле лучшего обустройства семинарской жизни», а управление семинарии решило просить епископа Полоцкого их соблюдать. Но тот не дал разрешения и указал управлению и преподавателям на «неправильное обсуждение» вопросов, поставленных в ученической петиции⁵.

Если сравнить требования витебских семинаристов с представленными 20-ю пунктами учащихся минских средних учебных учреждений, то бросается в глаза отсутствие у семинаристов требований по отмене национальных и религиозных ограничений, свободе преподавания на родном языке. На это влияли, возможно, и сам характер учебного учреждения, и определенный национальный и религиозный состав его воспитанни-

¹ НИАБ. Ф. 466, оп. 1. Д. 29. Л. 20.

² НИАБ. Ф. 466, оп. 1. Д. 70. Л. 171—174.

³ НИАБ. Ф. 2597, оп. 1. Д. 29, Л. 371.

⁴ НИАБ. Ф. 2597, оп. 1. Д. 29. Л. 373.

⁵ НИАБ. Ф. 2597, оп. 1. Д. 29. Л. 372.

ков, и отмеченные выше особенности Витебской губернии, в которой доля русского населения была наибольшей, а белорусского — наименьшей из всех белорусских губерний. Но главное заключалось в том, что централизованная система РПЦ, которая была одним из основных средств осуществления образовательной политики правительства на национальных окраинах империи, не могла поставить под сомнение вопрос о необходимости преподавания на русском языке или о возможности введения преподавания на родном языке. Возвращаясь к сравнению позиций семинаристов и гимназистов, необходимо отметить значительно большую степень взаимной поддержки и солидарности между семинаристами и их преподавателями (в основном гражданами светского происхождения), чем между учениками и преподавателями гимназий.

В 1906—1907 г. в семинарии продолжалась, по словам Орнадского, «пропаганда освободительных идей», хотя велась она уже более тайно, без явных выступлений¹. Семинаристы вели активную работу по распространению нелегальной литературы. Так, у арестованных в октябре 1907 г. воспитанников Витебской семинарии Т. Журавского, С. Рожнова и С. Тихвинского было конфисковано в интернате нелегальной литературы весом около 12 пудов!².

На заседании управления, где обсуждался вопрос об увольнении этих трех воспитанников, ректор семинарии констатировал, что их настроение проявлялось «в апатии к богословским наукам, в увлечении революционной литературой, в участии в антиправительственных манифестациях 1905 г., в мятежах против своего начальства»³. Ректор отметил и «такой печальный факт, что из окончивших за последние 4 года из 130-ти воспитанников только 6 выявили желание принять священство»⁴. Результатом подобного противостояния явились участвовавшие случаи самоубийств воспитанников, о чем сообщал журнал «Вестник воспитания»⁵. Подтверждением этого печального явления стало письмо воспитанника 2-го класса Витебской духовной семинарии Сергея Ширкевича к известному российскому писателю В. Г. Короленко с вопросом: прав ли был его друг-семинарист, бросившись под поезд, будучи по своим умственным и нравственным качествам лучшим учеником в духовной семинарии? В своей предсмертной записке бедняга указал причину самоубийства — «нравственная испорченность и боязнь загрязниться еще больше»⁶. Такова была столь огромная цена противостояния конфессиональной инспирации и природного национального чувства белорусского юноши. В итоге,

¹ НИАБ. Ф. 2737, оп. 1. Д. 29. Л. 375.

² НИАБ. Ф. 2597, оп. 1. д. 21, Л. 226—229.

³ НИАБ. Ф. 2597, оп. 1. Д. 21, Л. 236.

⁴ НИАБ. Ф. 2597, оп. 1. д. 21. Л. 237.

⁵ Вестник воспитания. — 1906. — № 4. — С. 156.

⁶ Ф. 135. Короленко В. Г., разд. II, к. № 36, ед. хр. № 34, лл. 1—2.

С. Ширкевич ставит вопрос перед известным писателем: «правы ли вообще самоубийцы?»¹.

Волнения среди учащихся духовной семинарии Витебской губернии имели место и в 1908—1909 гг., о чем свидетельствовало специально заведенное Учебным комитетом при Святейшем Синоде в Петербурге дело. Председатель комитета направил 7 ноября 1909 г. конфиденциальное письмо ректору Витебской духовной семинарии, в котором рекомендовал в связи с «настроением» среди воспитанников, которое возникло в некоторых духовных семинариях, и для предупреждения волнений установить «самое строгое наблюдение за поведением и настроением воспитанников», исполнять все их необходимые гигиенические требования («здоровое продовольствие», чистота в помещениях), придерживаться «твердости и последовательности в управлении семинарией». На случай возникновения «беспорядков» рекомендовалось ни в коем случае не останавливать работу учебного учреждения и продолжать занятия хотя бы с небольшим количеством учащихся².

Активное участие в революционном движении принимало народное учительство — самая многочисленная категория белорусской интеллигенции. Учительство Северо-Западного края, как и всей России, не было однородным слоем интеллигенции. В самом тяжелом материальном и пра-

вовом положении находились учителя начальных школ, которые получали мизерные оклады — от 15—20 до 30 рублей в месяц. Учителя этих школ составляли преимущественную часть белорусского учительства. Между тем зарплата учителей средних учебных заведений оставалась довольно высокой и составляла от 60 до 170 рублей в месяц³. Социально-правовые контрасты в положении педагогов влияли и на их отношение к существовавшим в России и крае порядкам. «Низы интеллигенции», выходящие из народа, как правило, были революционно настроены и чаще всего выступали против образовательной политики правительства, национального и социального угнетения, за демократизацию и обновление школьного дела.

В связи с ростом революционного движения и участием в нем учителей усилилось наблюдение за их благонадежностью. Педагогам запрещалось включаться в любые общественные дела, писать просьбы и жалобы от крестьян, обращаться с какими-нибудь личными просьбами к высшему начальству в обход дирекции училищ. Широкий размах приобрело пристальное наблюдение церковных служек за поведением учителей. Оно поддерживалось учебными властями. Учителя притягивали внимание к себе за самое незначительное участие в общественной жизни. Даже дружба между двумя сослуживцами соседних школ вызывала подозрительность учебного

¹ Ф. 135. Короленко В. Г., разд. II, к. № 36, ед. хр. № 34, лл. 2.

² НИАБ. Ф. 2597, оп. 1. Д. 141. Л. 1—2.

³ Пастухова З. А. Среднее образование в дореволюционной Белоруссии. Минск: Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1963 86 с. С. 83—84.

начальства, а педагоги, замеченные в доверительных отношениях между собой, «разводились по отдаленным одна от другой школам»¹.

В период революции 1905–1907 гг. часть учительства под влиянием революционных событий и деятельности революционно-демократических организаций включилась в общественно-педагогическое движение. В 1905–1906 гг. среди учителей распространилась идея создания своего профессионального объединения на революционно-демократической платформе. Инициативу созыва учительского съезда взяло на себя «Временное бюро Минской группы учителей», в которое входил молодой учитель К. Мицкевич (Я. Колас). Он явился одним из инициаторов проведения в июне 1906 г. в деревне Николаевщина (на своей родине) съезда учителей Минской губернии. Съезд принял решение присоединиться к Всероссийскому учительскому союзу. В постановлении съезда подчеркивалось, что, «поскольку в условиях самодержавия невозможно осуществить реорганизацию народного образования, то съезд учителей объявляет своей ближайшей целью стремление к свержению самодержавия путем революционного воздействия на крестьян и их организацию»².

Ученические волнения 1905–1907 гг., которые охватили разнообразные стороны школьной жизни и выразительно показали ее недостатки, поставили на повестку дня вопрос о проведении радикальной школьной реформы. Русский педагог-исследователь С. Знаменский, проанализировав в своей книге (1909 г.) причины ученических волнений 1905–1907 гг. и их значимость, политические и профессиональные нужды учащихся разных регионов Российской империи, в том числе и Беларуси, пришел к выводу, что «не только одной постановкой учебной работы, а всем строем школы был вызван стихийный протест учащихся»³. Подчеркнув необходимость реформы средней школы, С. Знаменский отметил, что только глубокая реформа может дать школе возможность функционировать. «Общество, а вместе с ним и учащиеся, переросли школу», — делает вывод автор⁴. Известный деятель русского просвещения и общественно-педагогического движения В. Чарнолуский считал ведущим фактором реформирования школы создание основ национального образования для «инородческого» населения империи⁵.

Еще в ходе революции 1905–1907 гг. под напором революционно-демократического движения правительство

¹ Кириллов М. К. Начальная школа Белоруссии во второй половине XIX и начале XX в. (1869–1907) // Из истории школы Белоруссии и Литвы. Труды Ин-та теории и истории педагогики. / Отв. ред. В. З. Смирнов. М.: Просвещение, 1964. С. 7–181. С. 163.

² Знаменский С. Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905–1906 гг. и их значение: Общий очерк и материалы. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1909. 294 с. С. 231.

³ Знаменский С. Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905–1906 гг. и их значение: Общий очерк и материалы. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1909. 294 с. С. 120.

⁴ Там же. С. 121.

⁵ Там же. С. 125–126.

было вынужденно пойти на некоторые уступки в области просвещения¹. Были частично расширены права учащихся, внесены изменения в учебные планы и программы средних школ. Педагогическим советам, согласно циркуляру МНП, изданному в ноябре 1905 г., позволялось отклоняться по согласованию с попечителем учебного округа от существующих правил для учащихся и инструкций для классных руководителей. Было дано право проводить при средних школах общешкольные и внеклассные совещания и выбирать на них родительские комитеты².

Частные средние учебные заведения были приравнены в правах к государственным. Выпускникам реальных училищ при условии сдачи дополнительного экзамена по латинскому языку давалось право поступления в университет. Попечители учебных округов получили разрешение по ходатайствам населения и педсоветов вводить в городских училищах дополнительные курсы, предметную систему преподавания. Для успевающих учащихся были отменены переводные испытания, а для неуспевающих сохранены только по тем предметам, по которым они не успевали. Были сняты существовавшие в крае ограничения на открытие частных учебных учреж-

дений по национальным и религиозным признакам. Отменялся запрет в использовании родного языка в разговорах между учащимися и учителями, разрешалось преподавание Закона Божьего белорусам-католикам на белорусском языке. Начальство ВУО сделало ряд попыток по улучшению учебной и воспитательной работы среди учащихся средних учебных учреждений с целью отвлечения их от революционных идей и воспитания верноподданнических чувств³.

Непосредственную пользу от этих частичных уступок получила прежде всего буржуазия, особенно в связи с упразднением ограничений на открытие частных школ, а также создание более благоприятных условий для развития среднего и профессионального образования. Требования широких народных масс о всеобщем образовании за счет государства, общедоступности высшего, начального и среднего образования, отделения школы от церкви правительство не удовлетворило. Попытки провести через Государственную Думу проект закона о введении всеобщего образования в объеме трехлетней школы, которые делались МНП, начиная с 1907 г., остались безуспешными.

В период реакции на территории Беларуси правительство усилило реп-

¹ Министерское распоряжение «По вопросу о процентной прибавке к содержанию служащих в западных губерниях» от 26 ноября 1908 г. за № 30823 // Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1909. № 1–2. С. 38.

² Революционное движение в Белоруссии 1905–1907 гг.: Документы и материалы. Мн.: Изд-во Акад. наук БССР, 1955. 747 с. С. 298–299.

³ Министерское распоряжение «Об отмене запрещения учащимся употреблять польский язык в стенах учебного учреждения» от 5 октября 1905 г. // Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1905. № 10–11. С. 78–80.

рессии против учителей и учеников, участвовавших в революционном движении, а также возобновило прежний внутришкольный режим. С целью закрытия каналов доступа в школу революционных идей осуществлялся строгий контроль за поступающей в школу литературой, учителям было запрещено отклоняться от учебных программ. Значительно возрос объем школьных заданий в целях ограничения времени досуга учащихся. Были восстановлены переводные экзамены. Для противодействия влиянию извне средние учебные заведения активизировали преподавание специальных предметов и внеклассную работу.

Стараясь не дать повториться революционным событиям 1905–1907 гг., правительство и учебное начальство края готовились к «решительному прекращению возможных волнений среди учащихся». В ноябре 1910 г. минский губернатор направил секретное послание директору Минской мужской гимназии, в котором в связи с беспорядками, которые происходили в Петербурге среди студентов вузов, рекомендовал «усилить наблюдение за настроением учащихся и всеми мерами стараться не допустить организации собраний». Ссылаясь на полученное от министра внутренних дел распоряжение, губернатор предупреждал, что в «случае допущения учениками демонстраций антиправительственного характера против виновных будут приняты самые строгие

меры, а для прекращения собраний в стенах учебного учреждения будут введены отряды полиции»¹. На основе этого послания директор Минской мужской гимназии отдал 3 декабря 1910 г. секретное указание помощникам классных руководителей «усилить наблюдение за поведением гимназистов вне школы», отметив, что учителя будут нести строгую ответственность за поведение учащихся².

Несмотря на жестокие репрессии, охватившие передовое учительство в годы реакции, в окружении педагогической интеллигенции сохранялись революционно-демократические настроения. Об этом свидетельствовал отчет виленского губернатора Д. Любимова по итогам его поездок по губернии и бесед с учителями (1910 г.). Губернатор отметил появление нового типа сельского учителя, который на словах высказывает «горячий патриотизм на национальной почве и преданность историческим основам нашей государственности; на деле же — абсолютное к ним безразличие»³. Д. Любимов обратил особое внимание учебного начальства на «вредные настроения учителей».

Опасения виленского губернатора не были безосновательны. Учителя пользовались авторитетом и уважением среди сельских жителей, которые приходили на помощь в тяжелую минуту. Когда летом 1906 г. власти выслали из Новогрудского уезда Минской губернии 8 учителей за аги-

¹ НИАБ. Ф. 466, оп. 1, д. 70, л. 156.

² НИАБ. Ф. 466, оп. 1, д. 70, л. 41.

³ Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917). Мн.: Изд-во АН БССР, 1953. Т. 3. 1019 с. С. 281.

тационно-пропагандистскую деятельность среди крестьян, то последние взяли на себя содержание учительских семей и предоставили жилое помещение до возвращения кормильцев.

В этот период продолжалось крестьянское движение за открытие народных школ. Эти требования содержались в многочисленных наказах крестьян своим депутатам I и II Государственных дум. В крестьянских приговорах, обращениях, ходатайствах подчеркивалось, что школа и грамотность необходимы им и их детям как наиболее важное средство избавления от темноты и невежества, как первейшая жизненная необходимость. Так, в приговоре крестьянского собрания деревни Чартовщина Климовичского уезда Могилевской губ. от 6 декабря 1909 г. отмечалось, что крестьяне имеют «горячее отеческое желание учить детей» и видят в этом «крайнюю нужду и необходимость»¹. Крестьяне, присутствовавшие на собрании, единодушно решили ходатайствовать перед директором народных училищ Могилевской губ. об открытии в деревне одноклассной земской школы в первой половине 1909–1910 гг. В прошении крестьян деревни Сухое Пинского уезда Минской губ. в адрес главноуправляющего земледелием и

государственным имуществом от 26 октября 1910 г. содержалась просьба о предоставлении крестьянам участка казенной земли под строительство народного училища. Этот участок с согласия арендатора мог быть дан не раньше 1924 г. Однако крестьяне заявили: «Ждать 1924 года мы не имеем возможности — грамотность нужна так, как хлеб насущный»².

Проведенный анализ социальных аспектов движения за демократизацию и обновление школы показывает, что вопросы народного образования приобрели широкую общественную и культурную значимость. Под натиском революционно-демократического и общественно-педагогического движения правительство было вынуждено пойти на уступки, которые были, однако, затем ликвидированы в последующие годы. В 1907–1914 гг. продолжалось общественное движение за народную школу, об этом свидетельствовала сильная тяга крестьян к открытию в их деревнях новых школ. Формировался «новый тип деревенского учителя», который был критически настроен к существующему положению в народном образовании и одновременно пользовался значительным влиянием в крестьянской среде.

Список источников и литературы

Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ в г. Минске).

1. НИАБ. Ф. 466, оп. 1. д. 70, 110, 125, 136, 151, 211, 215, 216, 238, 245, 266, 279, 298, 319, 338, 377, 384, 388, 395, 405.

2. НИАБ. Ф. 2597, оп. 1. д. 21, 29, 141.

3. НИАБ. Ф. 2737, оп. 1. д. 10.

Фонды научного отдела рукописей РГБ

¹ *Гісторыя Беларускай ССР: У 5 т. Мінск: Навука і тэхніка, 1972. Т. 2. 687 с. С. 273.*

² *Гісторыя Беларускай ССР: У 5 т. Мінск: Навука і тэхніка, 1972. Т. 2. 687 с. С. 279.*

4. Ф. 135 Короленко В. Г., разд. II, к. № 36, ед. хр. № 34, лл. 1–2.
5. Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. / Ткачоў М.А., Пасэ У.С., Сянькевіч Г.Р. і інш.— Мінск.: Народная асвета. — 1985. — 464 с.
6. Вестник воспитания. — 1906. — № 4. — С. 156.
7. Гісторыя Беларускай ССР: У 5 т. — Мінск: Навука і тэхніка, 1972. — Т. 2. — 687 с.
8. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917). — Мн.: Изд-во АН БССР, 1953. — Т. 3. — 1019 с.
9. Знаменский, С. Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905—1906 гг. и их значение: Общий очерк и материалы / С. Знаменский. — СПб. : Тип. Б. М. Вольфа, 1909. — 294 с.
10. Кириллов, М. К. Начальная школа Белоруссии во второй половине XIX и начале XX в. (1869—1907) / М. К. Кириллов // Из истории школы Белоруссии и Литвы. Труды Ин-та теории и истории пед.-ки. / Отв. ред. В. Э. Смирнов. — М. : Просвещение, 1964. — С. 7—181.
11. Министерское распоряжение «По вопросу о деятельности начальников средних учебных заведений» от 1 августа 1908 г. за № 18498 // Циркуляр по Виленскому учебному округу. — 1908. — № 11. — С. 484—485.
12. Министерское распоряжение «По вопросу о процентной прибавке к содержанию служащих в западных губерниях» от 26 ноября 1908 г. за № 30823 // Циркуляр по Виленскому учебному округу. — 1909. — № 1—2.
13. Министерское распоряжение «Об отмене запрещения учащимся употреблять польский язык в стенах учебного учреждения» от 5 октября 1905 г // Циркуляр по Виленскому учебному округу. — 1905. — № 10—11.
14. Минский листок. — 1896. — № 66.
15. Нарысы гісторыі Беларусі: У 2-х ч. / АН Беларусі, Ін-т гісторыі. — Мінск: Беларусь, 1994. — Ч. 1. — 527 с.
16. Пастухова, Э. А. Среднее образование в дореволюционной Белоруссии / Э. А. Пастухова. — Минск: Изд-во Мва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1963 — 86 с.
17. Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг.: Документы и материалы. — Мн.: Изд-во Акад. наук БССР, 1955. — 747 с.
18. Снапковская, С. В. Развитие образования и педагогической мысли Беларуси во второй половине XIX — начале XX вв. / С. В. Снапковская. — Москва: УРАО ИТИП, 2011. — 316 с.
19. Снапкоўская, С. В. Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX — пачатку XX стст. / С. В. Снапкоўская. — Мінск: НІА, 1998. — 192 с.
20. Снапкоўская, С. В. Культуралагічная думка Беларусі: вучэб. дапам. / С. В. Снапкоўская. — Мінск: РІВШ, 2017. — 216 с.:іл.
21. Чарнолуцкий, В. Основные вопросы организации школы в России / В. Чарнолуцкий. — СПб. : «Знание», 1909. — 131 с.
22. Чарнолуцкий, В. И. Итоги общественной мысли в области образования / В. И. Чарнолуцкий. — СПб., 1906. — 78 с.
23. Шибeko, Э. В. Минск: Страницы жизни дореволюционного города / Э. В. Шибeko, С. Ф. Шибeko. — Мінск: Польшыма, 1990. — 352 с.